

Исследование особенностей нарративной идентичности русских и китайских студентов

Суворова И.Ю.

**ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет» (ОАНО ВО МПСУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3804-2129>, e-mail: i.suvorova89@gmail.com**

Глебов В.В.

**ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева» (ФГБОУ ВО «РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева»)
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3390-161X>, e-mail: vg44@mail.ru**

Ван Х.

**ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (ФГАОУ ВО РУДН),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6973-3523>, e-mail: hw397857500@gmail.com**

Цель. Статья посвящена анализу нарративной идентичности китайских и российских студентов. Предполагалось, что отражение социально-политической ситуации более очевидно и проявляет себя в основных темах и установках, отражающих как содержательную сторону нарратива, так и его структуру, тогда как выявление культурного влияния требует дополнительного анализа.

Контекст и актуальность. Кросс-культурные исследования указывают на необходимость анализа нарратива на индивидуальном, политическом, социальном, экономическом и культурном уровнях. Теоретически каждый из уровней имеет свое влияние на структуру и содержание нарратива. Тем не менее существует сравнительно небольшое количество данных о сопоставлении различных видов анализа и особенностей их проявления в нарративе.

Дизайн исследования. В работе анализировались различия в изложении фрагментов биографии, в манере преподнесения информации и в упоминании основных тем жителями стран с различным социально-политическим строем.

Участники. Выборку составили 80 человек: 35 нарративов студентов из КНР (19 мужчин и 16 женщин в возрасте от 19 до 26 лет) и 45 нарративов студентов из Российской Федерации (РУДН) (17 мужчин и 28 женщин в возрасте от 20 до 23 лет). Все участники исследования родились в период с 1997 по 2000 годы.

Методы (инструменты). В статье применялся нарративный анализ идентичности К. Маклин и Д. МакАдамса как теория и метод исследования. Статистический анализ включил вычисление различий между двумя выборками (критерий *U* Манна-Уитни) и иерархический кластерный анализ.

Результаты. Полученные результаты показывают, что в нарративах российских и китайских студентов отражены непоследовательность и большая степень неопределенности социально-политической ситуации в России, а также большое социальное давление и высокая конкуренция в Китае.

Основные выводы. В структуре нарративной идентичности в первую очередь отражает социально-политическая ситуация как связанная с непосредственным опытом студентов.

Культурный опыт затрагивает более фундаментальные конструкты личности и в обычном нарративном анализе не считается.

Ключевые слова: социальная система, нарративная идентичность, социальный конструкт, качественные и количественные методы обработки данных, нарративный анализ, травма, диффузия идентичности.

Для цитаты: Суворова И.Ю., Глебов В.В., Ван Х. Исследование особенностей нарративной идентичности русских и китайских студентов // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 4. С. 93–113. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120406>

The Study of the Narrative Identity of Russian and Chinese Students

Irina Yu. Suvorova

Moscow Psychological and Social University (OANO VO MPSU), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3804-2129>, **e-mail:** i.suvorova89@gmail.com

Viktor V. Glebov

Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev

(RSAU-Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3390-161X>, **e-mail:** vg44@mail.ru

Huayang Wang

Peoples' Friendship University of Russia (FGAOU VO PFUR), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6973-3523>, **e-mail:** w397857500@gmail.com

Objective. *The article is devoted to the analysis of the narrative identity of Chinese and Russian students. It was assumed that the reflection of the socio-political situation is more obvious and manifests itself in the main themes and attitudes, reflecting both the content side of the narrative and its structure, while the identification of cultural influence requires additional analysis.*

Background. *Cross-cultural studies point to the need to analyze the narrative at the individual, political, social, economic and cultural level. In theory, each of the levels has its own influence on the structure and content of the narrative. Nevertheless, there is an extremely small amount of practical data on the comparison of various types of analysis and the peculiarities of their manifestation in narrative.*

Study design. *The article analyzed the features in the presentation of fragments of biography, the manner of presenting information and mentioning the main topics of the citizens of countries with a different socio-political system.*

Participants. *The sample consisted of 80 people: 35 narratives of students from the PRC (19 male and 16 females from 19 to 26 years old) and 45 narratives of students from the Russian Federation (PFUR) (17 male and 28 females from 20 to 23 years old). All participants were born between 1997 and 2000.*

Measurements. *The article used the analysis of narrative identity of K. McLean and D. McAdams both as a theory and as research method. Statistical analysis included the calculation of differences between the two samples (Mann-Whitney U test) and hierarchical cluster analysis.*

Results. *The narratives of Russian and Chinese students reflect inconsistency and a high degree of uncertainty of the socio-political situation in Russia, as well as great social pressure and high competition in China.*

Conclusions. *The structure of narrative identity primarily reflects the socio-political situation as related to the direct experience of students. Cultural experience affects more fundamental personality constructs and is not read in ordinary narrative analysis.*

Keywords: social system, narrative identity, social construct, qualitative and quantitative methods of data processing, narrative analysis, trauma, identity diffusion.

For citation: Suvorova I.Yu., Glebov V.V., Wang H. The Study of the Narrative Identity of Russian and Chinese Students. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 93–113. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120406> (In Russ.).

Введение

Ведение повествований является неотъемлемой составляющей человеческой природы. Через истории мы представляем себя другими, анализируем себя. В наших историях отражается наше отношение к элементам социальной реальности. А наше отношение, в свою очередь, является результатом интернализации тех социальных конструктов, в контексте которых происходила наша социализация. В 1980-х годах закрепилось убеждение в том, что возможность последовательно и складно рассказать свою историю отражает личностную целостность и согласованность внутренних структур личности [15; 28], где нарратив о себе принимает форму личного мифа [43]. Поэтому нарративы по праву считаются основой идентичности, а сам феномен определен как нарративная идентичность [31].

Нарративная идентичность как социальный конструкт

Нарративная идентичность возникает в позднем подростковом возрасте как функция социальных ожиданий и результат взаимодействия с социальным окружением [31]. Формирование идентичности происходит тогда, когда внутренние импульсы и стремления находят форму во внешних условиях и социальных требованиях [23; 24]. Характеризуя себя через социальные конструкты, человек с помощью нарратива вписывает себя в ткань социальной реальности [2].

МакАдамс и Палс [30] предположили, что нарративная идентичность включает три уровня: самый базовый уровень затрагивает личностные черты и типичное поведение нарратора; второй уровень описывает его цели и мотивацию; третий уровень — уровень жизненного опыта, основного лейтмотива, заложенного в повествовании. Уровень черт и типичного поведения является наиболее часто встречающимся уровнем повествования, когда самоописание не подвергается глубокому анализу. Второй уровень объясняет причины поведения и особенности взаимодействия человека с миром, являясь некоторым обобщением первого уровня. На третьем уровне проводится обобщение личного опыта, его объяснения через культурный опыт. Можно предположить, что идентичность человека, интегрированного в социальную систему, включает в себя все три уровня, тогда как сложности с интеграцией приводят к отсутствию третьего уровня, а иногда и второго уровня.

Ф. Хаммак [19] предположил существование центрального нарратива (master narrative engagement), лежащего в основе всех трех уровней. Центральный нарратив представляет собой культурный сценарий, общий для определенной социальной группы, или ее миф. Таким образом, основной нарратив передает идеологическое послание, которое одновременно определяет групповую принадлежность и является основой для личного мифа [2; 29]. Исследования многократно доказывают, что культурные особенности, миф, лежащий в основе социально-

го дискурса, влияют как на содержание нарративов, так и на их структуру [6; 9]. Элайн Ризз [37] продемонстрировала, как автобиографические отчеты американских детей имели тенденцию быть более детальными и направленными на саморекламу по сравнению с отчетами их китайских и корейских сверстников. Истории, рассказываемые американскими детьми, как правило, подчеркивали стремление к успеху, тогда как рассказы китайских и корейских детей описывали скорее избегание неудачи [21; 44].

Культурные различия также отражаются и в структуре нарративов [38; 39; 40]. Например, дети маори растут в богатой нарративной среде [38]. Соответственно, у взрослых маори более ранние автобиографические воспоминания, чем у взрослых европейцев или китайцев, иммигрировавших в Новую Зеландию [33].

Тем не менее существуют убедительные данные о том, что в первую очередь в нарративах отражается социально-политическая ситуация [20]. Значение, которое люди вкладывают в нарратив, с одной стороны, политическое по своей природе, поскольку оно связано с текущей ситуацией; с другой — социально-политическое устройство, включающее особенности вертикальных и горизонтальных отношений, самооценку субъекта социальных отношений, должностное положение, социальное давление, степень контроля и пр., также базируется на культуре, историческом опыте и является результатом особенностей внутренней и внешней политики на протяжении истории [45].

Признание того факта, что нарратив существует как на личном, культурном, так и на политическом уровнях анализа, требует внимания не только к индивидуальным психологическим процессам, но также и к политической, социальной и

экономической структуре, в которой эти процессы происходят [1].

Данное исследование является поисковым и направлено на выявление различий в структуре и содержании индивидуальных нарративов в условиях различного социально-политического и культурного контекста. В целом мы полагаем, что отражение социально-политической ситуации более очевидно и напрямую сформулировано в текстах, поскольку связано с непосредственным опытом, тогда как выявление культурного влияния требует дополнительных обобщений.

Культурные особенности и социально-политическая ситуация России и КНР как предметы нарративного анализа

Большинство исследователей сходятся во мнении, что Россия и Китай представляют собой страны с принципиально различной культурой [3]. Россия располагается в двух частях света — в Европе и Азии. Одними из важнейших характеристик ментальности народов России являются глубокая поляризация и противоречивость народной индивидуальности [8]. Тем не менее во многих аспектах влияние европейской культуры на Россию глубже, чем восточной культуры. Таким образом, мы можем сказать, что культура России имеет скорее западные характеристики, а культура Китая — восточные [1; 22]. Далее, в исследованиях, проводимых в рамках теории жесткости-свободы Мишель Гельфаньд (tightness-looseness (TL)), было выявлено, что европейские страны склонны к свободному отношению к социальным нормам, тогда как восточные — к жесткому контролю [14; 18]. Несмотря на тяготение России к запад-

ным традициям, согласно зарубежным исследованиям, в ней также наблюдается жесткое декларирование социальных норм [26]. Мы предполагаем, что в нарративах проявится сильное социальное давление у представителей обеих стран.

По данным сайта The Global Economy, в конце 90-х годов уровень безработицы в России доходил до 13%. К 2019 году он снизился до 4,5%. Несмотря на то, что сейчас данные свидетельствуют о низком уровне безработицы, взрослые респонденты пришлось на период, когда найти работу было сложно. Более того, в 2017 году, по данным Роструда [11], только 27% человек работали по специальности. Это значит, что получаемая специальность по большей части не гарантирует трудоустройство. Индекс качества жизни россиян составляет 5,31 при максимальном 8,22. Опираясь на эту статистику, обстановку в России с 1997 по 2019 годы можно оценить как неопределенную и незащищенную, с довольно слабой регуляцией государством социальных отношений.

С 2000 года в Китае быстро развивается экономика, что привело к снижению уровня безработицы. В конце 90-х годов он составлял 3%, за двадцать лет своего пика безработица достигла в 2003 и 2009 годах, составив 4,3%. К концу 2018 года безработица составила 3,8%. Индекс качества жизни составил 5,99. Многие показатели Китая совпадают с показателями России, с той разницей, что за промежуток с 1997 по 2019 годы в Китае уровень безработицы постоянно был низким. Получается, что при довольно похожих с Россией показателях социально-политического благополучия социальная ситуация в Китае более определена и контролируема со стороны правительства. Мы предполагаем, что эти различия отразятся как в структуре,

так и в содержании нарративов русских и китайских студентов.

Количественный анализ нарративной идентичности

Феномен нарративной идентичности был описан П. Рикером [39], однако ее концептуальный аппарат, способы сбора и анализа данных были разработаны немного позже К. Маклин [33], МакАдамсом и Дж. Адлером [12; 13]. На данный момент анализ нарративной идентичности приближается к некоторому стандарту, где в анализе участвуют как изначально заложенные компоненты, так и разработанные в результате первичного анализа.

К изначально заложенным компонентам, выделенным преимущественно Адлером [12], относятся: ориентация (степень, с которой повествование предоставляет читателю достаточную справочную информацию для понимания истории); структура (степень, в которой повествование связано логически, то есть предыдущие части указывают на следующие); аффект (степень, в которой повествование использует язык эмоций для создания оценочной точки) и интеграция (степень, с которой рассказчик связывает описываемый эпизод с тем, кем он или она является как человек, или почему эта история была рассказана). МакАдамсом [32] же было предложено вставлять в систему кодов типичные для каждого конкретного случая темы, оценив их адекватность с помощью коэффициентов согласия [42]. Изначально заложенные компоненты, такие как аффект, согласованность и структура, указывают на степень интеграции идентичности и общий эмоциональный фон человека [5; 24]. Содержательные компоненты при-

дают смысл обнаруженным структурным особенностям. Мы полагаем, что наше поисковое исследование обнаружит как структурные, так и содержательные различия в нарративах русских и китайских студентов.

Гипотезы:

1. Существуют различия в содержании личностных историй у китайских и русских студентов;
2. Существуют различия в структуре нарративов русских и китайских студентов;
3. Существуют различия в особенностях выстраивания отношений «Я-социальная реальность» у русских и китайских студентов.

Процедура исследования

Выборку составили 80 человек: 35 нарративов студентов из КНР (19 мужчин и 16 женщин в возрасте от 19 до 26 лет) и 45 нарративов студентов из Российской Федерации (РУДН) (17 мужчин и 28 женщин в возрасте от 20 до 23 лет). Все участники исследования принадлежат к среднему классу и родились в период с 1997 по 2000 годы.

Сбор информации проходил следующим образом. Студентов попросили написать небольшой рассказ о себе, включающий как самые ранние воспоминания, так и текущее положение дел, объединенные логическими связками. Студенты РУДН писали тексты на русском языке. Далее их тексты анализировались авторами статьи. Студенты КНР преимущественно обучаются в Китае (6 студентов на момент опроса два месяца обучались в РУДН в качестве стажеров) и имеют контакты с одним из авторов. Их тексты были написаны на китайском, затем переведены на русский язык с помощью одного из авторов статьи. После

первого знакомства с текстами обеих групп была разработана система кодировок, которая была базой для дальнейшего перекрестного оценивания текстов.

Статистический анализ проводился с использованием программы IBM SPSS Statistics 26.

Разработка системы кодирования

Помимо эмоциональных и структурных компонентов после прочтения нарративов нами были выделены следующие два блока специфических тем: встречающиеся в тексте темы и основные мотивации для поступков. К темам были отнесены следующие: конкуренция, романтические отношения, давление общества (родителей), переосмысление и благодарность, желание получить новые знания, желание лучше узнать себя, вера в счастливое будущее (справедливый мир), целеустремленность, конфликт личных и общественных ценностей, оправдание ожиданий других, тема смерти и другие серьезные потрясения, сомнения в правильности выбора, отношения со сверстниками, хобби и тесная связь с родителями. В качестве основных мотиваций для поступков были выделены следующие: трудиться ради светлого будущего, жить в свое удовольствие, гордиться собой, быть в гармонии с собой, следовать требованиям системы (поступать как все), создать семью и уход от проблем. Всего в сетку кодирования было включено 45 пунктов.

Для проверки надежности используемой сетки кодов все тексты оценивались по каждому из параметров двумя оценщиками. Таким образом, каждым оценщиком было произведено 3600 оценок. В целом надежность рассчитывается как отношение совпадающих оценок ко всем

оценкам. Вычисление коэффициента Каппа представлено таким же образом, как в статье М. Сида и С. Нельсона [42] (рис. 1).

Значение $k \geq 0,89$ свидетельствует о высокой степени надежности системы кодирования [17]. Наши расчеты показывают, что составленный инструментарий является надежным.

Результаты

Темы, выделенные в рамках данного исследования, отражают непосредственный опыт студенческой жизни, включающей как романтические отношения, так и попытки разобраться в себе, в окружающей реальности (тема смерти, вера в счастливое будущее, переосмысление опыта), а также поиск себя во взаимоотношениях с семьей и обществом (связь с родителями, давление общества, конфликт личных-социальных интересов). Пример нарративов китайских студентов представлен ниже.

Мужчина, 24 года.

Я родился в небольшом округе 3 ноября 1995 года. В то время мой отец был бухгалтером,

а мама — бизнесменом. У меня есть сестра-студентка. Мои детские воспоминания очень смутные, но я помню, что часто ходил на берег реки со своими друзьями, и рядом со мной была няня, которая заботилась обо мне, но я не могу вспомнить ее внешний вид. Что бы получить лучшее образование, я приехал учиться в город, который находится в 50 километрах от моего дома, но, несмотря на небольшое расстояние, я не часто ездил домой. (Система довузовского образования в Китае: начальная школа (1–6 классы), неполная средняя школа (7–9 классы), средняя школа (три года)). В 1–3 классах я жил с родственниками, которые очень хорошо ко мне относились. Самая большая сложность для меня — это жить самостоятельно, без родителей. В четвертом классе я перешел в частную школу. Для этой школы характерно преподавание английского языка. Каждый семестр ученики должны изучить 3 книги по английскому, поэтому изучение английского языка на этом этапе — моя самая большая трудность. Но я смог быстро адаптироваться к новой школьной среде и стать довольно самостоятельным. Каждые две недели в школе объявляли каникулы. Я думаю, что это самое счастливое время для меня и всех студентов. В начальной школе я каждый день изучал известные афоризмы, поэтому понимаю много истин.

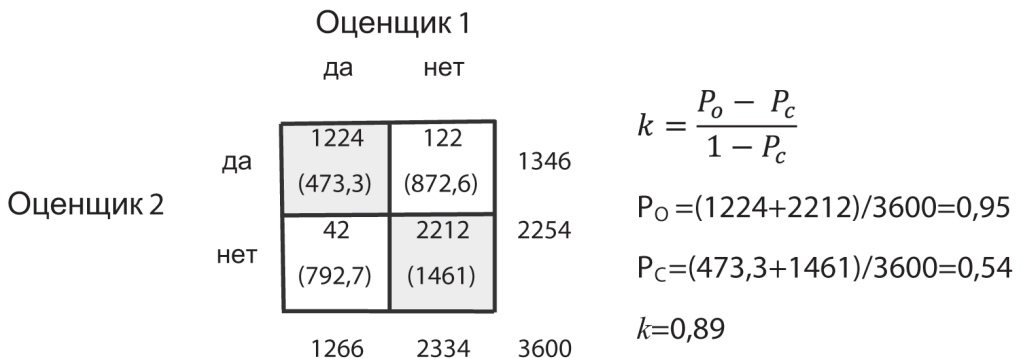

Рис. 1. Расчет коэффициента k (Каппа)

К тому же мама просила меня каждый раз в отпуске делать уроки, а еще просила заниматься каллиграфией, тогда это было больно, а теперь, вроде, все оказалось полезным. Когда мне было 12 лет, и я поступил в среднюю школу, образование стало направленным на подготовку к экзаменам. На этом этапе экзамены и оценки являются наиболее важными задачами для учеников, поэтому я редко играл и читал внеклассные книги. Самая большая трудность для меня — улучшить оценки по математике и физике. Затем я поступил в старшую школу, и все в старшей школе было предназначено для вступительных экзаменов в колледж. Для студентов нашей провинции очень сложно сдать вступительные экзамены. Так что школа предъявляла к нам строгие требования. Мы гуляли в 5 часов утра и возвращались в общежитие в 10:30 вечера. У нас были только два выходных в месяц и еженедельные экзамены, так что давление было огромно. В то время я мучился от беспокойства, неделю отдыхал дома и старался не так сильно напрягаться в будущей учебе. В итоге я добился очень хороших результатов.

Основной темой являются тяжелые условия для получения знаний и необходимость быть лучшим из-за высокой

конкуренции. Однако жесткость системы вынуждает принять ее правила игры и искать себя в нормативных рамках. Помимо социального давления, отмеченного в нарративе, наиболее частыми темами китайских студентов являются целеустремленность, желание получить новые знания и вера в справедливый мир (рис. 2).

У русских нет выделяющихся тем. Наибольшее процентное соотношение имеют такие темы, как тесная связь с родителями и общение со сверстниками. Пример типичного нарратива русских студентов представлен ниже.

Мужчина, 21 год.

Жизнь была, да и есть поныне самая обыкновенная, можно сказать, среднестатистическая.

В школе пришло осознание того, что в современном обществе такой параметр, как личность, уничтожается в погоне за навязанными мечтами и идеями, а также потреблением. Это привело к небольшому отстранению от общественной жизни, впрочем, с некоторыми людьми я до сих пор поддерживаю связь. К концу школы это осознание стало быстрее развиваться, каждый человек в классе был похож на другого и говорил одни и те же

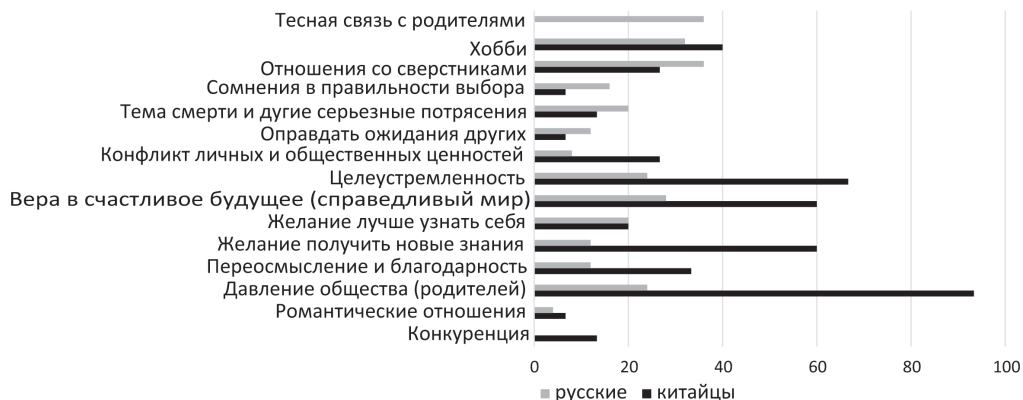

Рис. 2. Процентное соотношение частоты встречаемости различных тем в нарративах русских и китайских студентов

вещи: «Как бы сделать так, чтобы ничего не делать и быть богатым» и так далее. Большинство мечтали стать менеджерами и бизнес-тренерами, не понимаю, что это такое. Когда наступил момент выбирать, куда идти дальше учиться, пошли наобум или где полегче. Можно сказать, благодаря этому я немного заинтересовался политикой и устройством общества в разных политических системах, присмотрелся к социализму. В данный момент я вообще не вижу своего будущего после института, образование, скорее всего, не даст нормальной работы.

Трудностей я избегал всеми силами, если это возможно, а если нет, делал, что говорили. Так учили в школе. Да и тем более настоящие трудности, как я думаю, наступают в более зрелом возрасте.

Вывод: жизнь прошла кое-как и непонятно как, а что будет дальше — неизвестно.

Уже на данном этапе исследования можно заметить различия в ориентации русских и китайских студентов: на социальные связи — у первых, на эффективность и целеполагание — у вторых. Примечательно, что ни у одного китайского студента не была встречена тема теплых и доверительных отношений с родителями. Тем не менее у них довольно часто встречались темы переосмысления опыта и благодарности родителям за требовательность к успехам своего ребенка. Как и предполагалось, китайцы отметили сильное социальное давление, которое вопреки нашим ожиданиям отсутствует у русских.

При частотном анализе мотивов (рис. 3) было обнаружено, что у китайских студентов значительно преобладает мотив трудиться ради светлого будущего, тогда как у русских — жить в свое удовольствие и быть в гармонии с собой. Стремление жить одним днем у русских студентов сочетается с данными соци-

ологического опроса, опубликованного О. Соловьевой в издании «Независимая газета» [7]. Согласно опросу, россияне не планируют на длительный срок из-за восприятия социально-политической ситуации как нестабильной. И эта тенденция возросла с 2018 к 2019 году.

Также ни у одного китайца не фигурировал мотив создания семьи. Этот факт наводит нас на предположение о существовании некоторых противоречий между традиционностью китайского общества и социально-политической ситуацией, диктующей приоритеты западного мира.

Помимо содержательного компонента отличия наблюдаются и в структурном компоненте. Так, на рис. 4 показана частота выпадения фрагментов биографии у студентов обеих стран. Очевидно, что у русских выпадение фрагментов биографии встречается гораздо чаще. Причем, как ни странно, чаще всего выпадает настоящее (студенчество — в 68% случаев). Возможно, на это повлияла незавершенность этого периода. Невозможно подвести итоги незавершенного этапа, а значит — осознать его роль в жизни.

Однако у русских также выпадают и другие фрагменты биографии — детство (48%) и школьный период (64%). Как будто русским студентам трудно найти связь между всеми этапами жизни и создать целостное представление о себе. Обычно в нарративах русских описывались какой-то один случай и его влияние на мировоззрение рассказчика. У китайцев в небольшом количестве случаев (13%) выпадало детство, но это может быть вызвано его отдаленностью от настоящего и минимизацией его влияния на текущую картину.

Частотный анализ указывает на низкую интеграцию нарративной идентичности русских студентов по сравнению

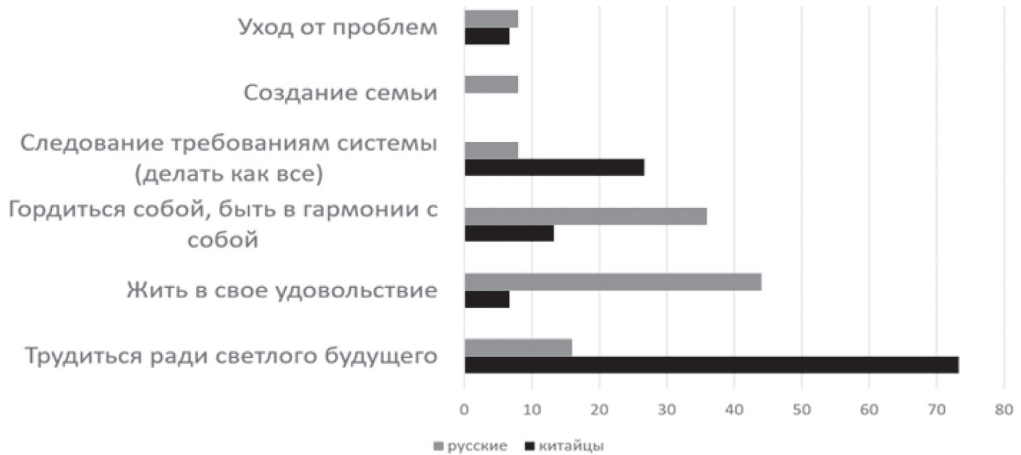

Рис. 3. Процентное соотношение частоты встречаемости основных мотивов у русских и китайских студентов

Рис. 4. Процентное соотношение выпадения участков биографии у русских и китайских студентов

с китайскими. Это соответствует ориентации на социальные связи и желанию жить одним днем (стремление жить в свое удовольствие) — у русских студентов, целеустремленности и нацеленности на будущее — у китайцев.

Анализ различий между двумя выборками

Для доказательства того, что найденные различия статистически достовер-

ны, обе выборки были сравнены с использованием критерия U Манна-Уитни (таблица).

Нарративы китайских и русских студентов действительно различаются по содержанию. Статистически значимые различия обнаружены в проявлении таких тем, как жить в свое удовольствие ($p \leq 0,05$), трудиться ради светлого будущего ($p \leq 0,002$), целеустремленность ($p \leq 0,024$), желание получить новые

Таблица

Различия в распределении тем нарративов у русских и китайских студентов

Темы, встречающиеся в нарративах	M	SD	U, p	r
Школьный период	0,6	0,49	0,001	0,632**
Цели школьного периода	0,35	0,48	0,001	0,623**
Фрустрации школьного периода	0,47	0,5	0,001	0,608**
Способы преодоления школьного периода	1,3	1,5	0,001	0,602**
Выводы школьного периода	0,3	0,6	0,001	0,365*
Студенчество	0,58	0,5	0,001	0,666**
Фрустрации студенчества	0,33	0,47	0,001	0,675**
Преодоления студенчества	0,88	1,36	0,002	0,611**
Философские рассуждения	0,33	0,47	0,016	-0,537**
Последовательность изложения	0,58	0,5	0,014	0,457**
Детализация/общие фразы	1,2	0,46	0,02	-0,457**
Давление общества	0,5	0,5	0,001	0,671**
Желание получить новые знания	0,3	0,46	0,011	0,507**
Целеустремленность	0,4	0,5	0,024	0,422**
Трудности ради светлого будущего	0,38	0,49	0,002	0,573**
Жить в свое удовольствие	0,3	0,46	0,05	-0,394*

Условные обозначения: * уровень значимости $p \leq 0,05$; ** уровень значимости $p \leq 0,01$; M – среднее значение; SD – стандартное отклонение; U, p – значимость различий между двумя выборками по критерию U Манна-Уитни; r – коэффициент корреляции Спирмена.

знания ($p \leq 0,011$) и давление общества ($p \leq 0,001$). Гипотеза 1 подтвердилась.

Статистически значимые различия наблюдаются также в структурных компонентах. Выборки отличаются по наличию/отсутствию школьного периода ($p \leq 0,001$) и студенчества ($p \leq 0,001$), философских рассуждений ($p \leq 0,016$), детализации ($p \leq 0,02$) и последовательности изложения ($0,014$). Гипотеза 2 подтвердилась.

Иерархический кластерный анализ переменных

Для проверки гипотезы 3 мы построили усредненную структуру нарративной идентичности для каждой из двух социальных групп, где бы близкие по смыслу темы объединялись в ядра. В качестве рабочего метода был выбран иерархический кластерный анализ – метод стати-

стической обработки, направленный на создание иерархии кластеров и позволяющий оценить удаленность кластеров друг от друга [47].

Для китайцев на первом шаге были объединены следующие переменные: связь с родителями, создание семьи, философские рассуждения, уход от проблем, романтические отношения, жить в свое удовольствие, контекст, оправдать ожидания других, смерть, фрустрация детства, сомнения в выборе. Мы объединяем эти переменные как пассивную зависимую позицию, позицию ребенка в отношении с родителями, а также поиски себя в этих отношениях. Далее к этому кластеру присоединяются формирование самооценности, разделение своего и социального. На следующем этапе к этому кластеру присоединяются переосмыс-

ление прошлого и выводы. Этот большой кластер посвящен теме отношений, месту человека в мире и конструированию своего Я.

Этому кластеру противостоит другой. На уровне одного-двух шагов объединены последовательность изложения, социальное давление, фрустрации в школе и в студенчестве, очернение/обеление, пассивная/активная позиция, описание событий, соответствие действий и желаний, школьный период и студенчество, упоминание деталей или общих фраз. Этот кластер мы объединили как осознание столкновения с преградами социальной реальности. Далее к этому кластеру добавляются осмысленность выбора и формирование активной позиции и целеустремленности. Отдельными, плохо структурируемыми переменными остались способы преодоления преград на различных этапах взаимодействия с социальной реальностью. Возможно, инструменты преодоления остались неосознанными, не выработанными. В целом внутреннюю реальность китайских студентов, систематизированную по нашему опроснику, можно представить следующим образом (рис. 5).

Структура нарративной идентичности китайских студентов включает два больших блока: пассивное бытие, позволяющее сформировать представления о себе, своей ценности и целостности

Я, и активное взаимодействие с внешним миром. В ядре пассивного бытия находится детская зависимая позиция, преодоление которой приводит к формированию самооценности и целостности. В ядре активных взаимодействий с внешним миром находятся переживания фрустраций, преодоление которых позволит сформировать активную позицию по отношению к реальности. Способы преодоления, позволяющие укрепить детское слабое Эго и сформировать сильную независимую позицию по отношению к миру, не дифференцированы и хаотичны. Возможно, китайские студенты только пробуют разные способы совладания с реальностью и еще не могут обобщить полученный опыт.

Судя по корреляционному и частотному анализу, наибольший вес в структуре нарративной идентичности китайских студентов имеют такие конструкты, как целеустремленность, труд ради светлого будущего и социальное давление, тогда как самопознание и получение удовольствия от настоящего находятся в угнетенном состоянии.

Кластерный анализ ответов русских студентов на уровне одного шага выделил такие переменные, как оправдание ожиданий других, создание семьи, романтические отношения, следование социальным нормам, описание контекста (родителей), цели в детстве, конкурен-

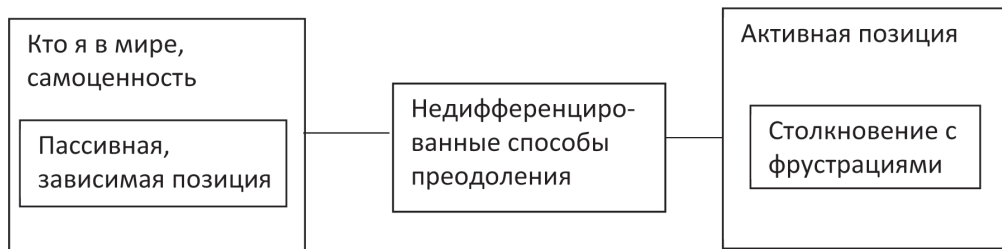

Рис. 5. Нарративная идентичность китайских студентов

ция, личные и социальные цели, уход от проблем. Мы эти переменные объединили как Я и Общество, связанное с детской позицией. Далее добавляются такие кластеры, как смерть и другие потрясения, фрустрации студенчества, трудиться ради светлого будущего, выводы из детства, следование требованиям общества. Все это мы объединили как осваивание реалий и требований системы.

Следующий кластер, связанный с описанным выше, включил в себя переосмысление опыта, желание узнать себя, целеустремленность и желание гордиться собой, веру в светлое будущее и сомнения в выборах. Речь идет о принятии требований общества, появлении внутренней, однако неустойчивой мотивации.

На уровне с этим кластером идут фрустрации из различных периодов жизни. Далее в некотором противостоянии со всеми вышеперечисленными кластерами находятся соответствие действий и желаний, активная/пассивная позиции, очернение/обеление, тестирование реальности и выбор своей позиции. Далее, как и в случае с китайскими студентами, идут недифференцированные, неструк-

турированные способы преодоления. Получаем следующую схему (рис. 6).

Структура нарративной идентичности русских студентов сосредоточена на одном блоке, включающем поэтапную ориентировку во взаимодействии с социальной реальностью и формирование устойчивой социальной идентичности. Тем не менее целеустремленность и сомнения в выборах, объединенные в один кластер, могут указывать на то, что позиционирование себя в обществе российскими студентами неустойчиво. Это может объяснять отсутствие целеустремленности, обнаружившее себя в корреляционном и частотном анализе, а также ориентировку на социальные связи как способ сформировать свою социальную идентичность. Способы преодоления фрустраций российскими студентами, как и китайскими, не дифференцированы. Нам кажется, что причины этому одинаковы: недостаток опыта и осознанной позиции по отношению ко взаимодействию с миром.

Структура нарративной идентичности, построенная благодаря иерархическому кластерному анализу, указывает на

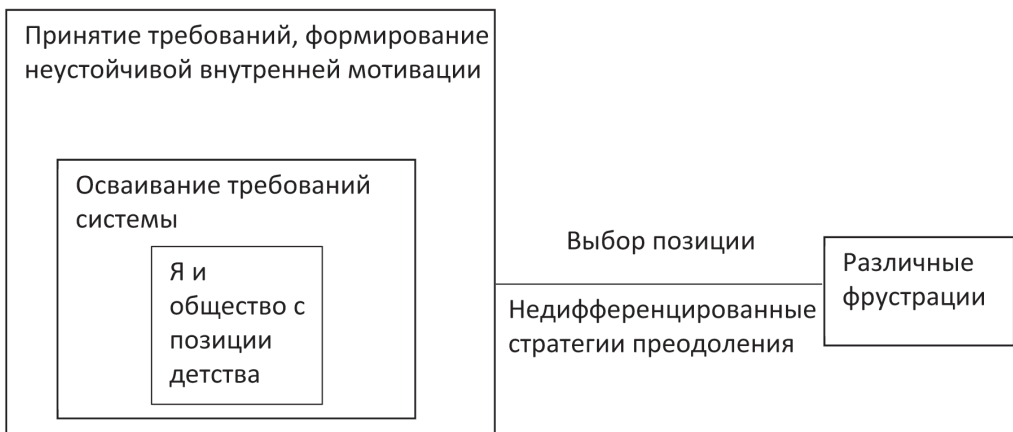

Рис. 6. Нарративная идентичность российских студентов

различия в особенностях выстраивания отношений «Я-социальная реальность» у русских и китайских студентов.

Обсуждение результатов

В данной статье проводился анализ культурных и социально-политических репрезентаций в нарративах русских и китайских студентов, а также их отражение в структуре и содержании нарративов. Как и предполагалось, репрезентация социально-политической ситуации в нарративах оказалась более очевидной, и отражена виде готовых конструктов, сформулированных самими респондентами.

В результате статистического анализа было обнаружено, что у русских студентов нарративы менее согласованные, в них отсутствуют фрагменты биографии. Из этого сделано предположение, что нарративная идентичность русских студентов более диффузная, чем у китайских. Мы полагаем, что это может быть результатом менее структурируемой и определенной ситуации в России. Данные, полученные на сайте The Global Economy, а также результаты опроса издания «Независимая газета» свидетельствуют в пользу нашего предположения. Неопределенность ситуации превращает процесс получения знаний в нечто бессмысленное. Соответственно, смещение ценностей студентов с получения знаний и продуктивной работы на самоанализ, выстраивание социальных связей и жизнь одним днем оправдано невозможностью прогнозирования и целеполагания.

Обращает на себя внимание отсутствие фрагментов биографии у русских студентов. Обычно отсутствие фрагмента биографии наблюдается в случае травмы, когда человек пропускает фраг-

менты биографии, чтобы избежать повторных болезненных переживаний [5; 6; 36; 46]. Также возможны пропуски в случаях, когда события прошлого невозможно встроить в настоящий контекст. Причиной этому может быть как низкий уровень осознанности, так и исполнение ролей, которые в настоящем подвергаются осуждению [5]. В нашем случае мы, по всей видимости, имеем дело с низкой степенью осознанности студентов, невозможностью осмыслить и интегрировать жизненный опыт в единую структуру.

Также для русских студентов была характерна сосредоточенность на одном из фрагментов биографии, когда весь рассказ строился вокруг какого-то одного события, отголоски которого обнаруживались в настоящем. Зачастую застревание на каком-либо событии указывает на травмирующий опыт, который невозможно интегрировать [4; 10]. Ученые, исследующие социальные проблемы Ближнего Востока и Африки, отмечают, что выраженное социальное давление или, напротив, социальная эксклюзия могут приводить к застреванию молодых людей вне возрастных периодов [34]. Это состояние даже приобрело собственный термин — «waithood» или «wait adulthood» (англ. «отложенная взрослость» англ.) [16]. Структура нарративной идентичности русских студентов, приведенная на рис. 6, отражает постоянные попытки сориентироваться в социальном пространстве и сформировать устойчивую идентичность. Из всего вышесказанного можно заключить, что рассогласованность социально-политической системы России приводит к невозможности построить интегрированную социальную идентичность, что выражается в таких проявлениях, как выпадение фрагментов биографии и застревание, — феноменов, характерных для ПТСР [36].

Нарративная идентичность китайских студентов более структурируемая и направлена в будущее. Основным мотивом китайских студентов является учеба ради светлого будущего, и все настоящее, как и прошлое, посвящено достижению целей в будущем. Это целеполагание выступает стержнем, объединяющим все фрагменты идентичности в целостность. Можно предположить, что четко структурированная социально-политическая система способствует осмыслению личного опыта, а именно определяет цели и задачи, с которыми китайские студенты должны соотносить результаты своей деятельности.

В структуре нарративной идентичности китайских студентов максимальный вес уделяется одному из двух ядер — активному взаимодействию с внешним миром и целеполаганию, — тогда как формирование самооценности, целостности и самопознание находятся в угнетенном состоянии. Возможно, причиной этому является сильное социальное давление, вынуждающее идти к определенным целям и не оставляющее внутренних ресурсов на самопознание. Такие состояния могут привести к формированию ложной или кризисной идентичности [27].

Таким образом, наши предположения о том, что особенности социально-политической ситуации отразятся в структуре и содержании нарративов, подтвердились: более структурированная и последовательная социально-политическая ситуация в Китае способствует большей структурности нарратива. Русским студентам, напротив, были свойственны выпадения фрагментов биографии.

Кластерный анализ позволил обобщить личностные конструкты и построить структуру нарративной идентичности российских и китайских студентов. Если китайские студенты переживали

сильное давление системы, что приводило к слабому переживанию своего Я, то российские студенты пытались понять окружающую реальность и способы социальной интеграции. Влияние социально-политической ситуации здесь более очевидно, нежели культурная подоплека. Для культурной составляющей стоит переформулировать либо расширить задание. Так, например, для получения культурных различий в самопрезентациях американских и китайских студентов Ван и Конвей [44] предложили респондентам описать факторы, повлиявшие на становление личности.

Заключение

Данное исследование было поисковым и направленным на выявление социально-политических и культурных репрезентаций в индивидуальных нарративах русских и китайских студентов. Теоретический анализ подвел нас к предположению о том, что проявления культуры, истории и текущей социально-политической ситуации в личностных нарративах имеют свою иерархию: наиболее очевидным является влияние социально-политической ситуации, поскольку она обуславливает конкретное поведение человека. Мы предположили, что последовательность и структура социально-политической ситуации отразятся в структуре и содержании нарративов русских и китайских студентов. Оба предположения подтвердились.

Полученные данные указывают на то, что русским студентам трудно найти связь между всеми этапами жизни и создать целостное представление о себе. В отличие от китайских студентов, чья жизнь во многом определена социально-политической структурой, русские

студенты конструируют свое социальное Я, взаимодействуя с непоследовательной и непредсказуемой реальностью. Это не дает сформироваться устойчивому социальному Я, а контакт с социальной реальностью приводит к стрессу. С другой стороны, сильное давление со стороны социально-политической сферы Китая приводит к угнетению формирования самоосознания и самооценки, что теоретически может привести к ложной или кризисной идентичности. Таким образом, мы видим, как глубоко в структуру личности проникает влияние социально-политической ситуации в стране.

Исследование взаимосвязи личностного и социального как одной из фундаментальных проблем социальной

психологии может быть исследованным с помощью нарративного метода. Однако еще более фундаментальные конструкты личности формируются под воздействием культуры. Обнаружить их в данном исследовании нам не удалось. Возможно, для их обнаружения требуется более сложный семантический анализ. На данный момент таких методов анализа нарративов не существует. Дальнейшее исследование этого вопроса требует детальной теоретической проработки уровней семантического анализа нарративов. Возможно, модель анализа нарратива, предложенная Д. МакАдамсом, нуждается в дополнении, позволяющем анализировать скрытые смыслы текстов.

Литература

1. Гао Л., ПахмUTOва М.А. Культурные характеристики России и Китая с точки зрения Запада и Востока // АНИ: педагогика и психология. 2017. № 1(18). С. 45–48.
2. Козлова М. Проблемы и механизмы развития психосоциальной идентичности в юношеском возрасте (на примере молодежных групп обских угров) // Идентичность и толерантность / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 68–86.
3. Ларина Е. Казахи в России // Родина. 2004. № 2. С. 98–101.
4. Миськова Е.В. Травма сталинских репрессий в контексте коллективных травм геноцидов // Психология и психотерапия семьи. 2019. № 4. С. 31–49.
5. Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории. СПб.: ЕУ, 2003. С. 322–356.
6. Рождественская Е., Семенова В. Социальная память как объект социологического изучения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. № 6. С. 27–48.
7. Соловьева О. Граждане России предпочитают жить одним днем [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2019. URL: https://yandex.ru/turbo/ng.ru/seasonomics/2019-08-21/4_7655_fom.html (дата обращения: 30.09.2020).
8. Татценко К.В. Тенденции экономического взаимодействия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. СПб.: Дальнаука, 2006. 215 с.
9. Терехова Т.А., Малахаева С.К. Нарративный анализ как понимающий метод // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 1(41). С. 143–152.
10. Харламенкова Н.Е. Это-идентичность и ее особенности у лиц с разным уровнем посттравматического стресса // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25. № 1. С. 107–111.
11. Черненко Е. Роструд: 27% россиян работают по специальности [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3319368> (дата обращения: 18.03.2020).
12. Adler J.M. et al. Research methods for studying narrative identity: A primer // Social Psychological and Personality Science. 2017. Vol. 8. № 5. P. 519–527.

13. *Adler J.M. et al.* The nature of narrative coherence: An empirical approach // *Journal of Research in Personality*. 2018. Vol. 74. P. 30–34.
14. *Chua R.Y.J., Huang K.G., Jin M.* Mapping cultural tightness and its links to innovation, urbanization, and happiness across 31 provinces in China // *Proc Natl AcadSci USA*. 2019. Vol. 116. P. 6720–6725.
15. *Cohler B.J.* Personal narrative and life course // *Life span development and behavior*. 1982. Vol. 4. № 8. P. 205–241.
16. *Dhillon N.T., Jousef T.* *Generation in Waiting. The Unfulfilled Promise of Young People in the Middle East*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2009. 269 p.
17. *Fleiss J.L.* An introduction to applied probability, and assessing significance in a fourfold table // *Statistical methods for rates and proportions*. 1981. 321 p.
18. *Gelfand M.J.* Universal and culture-specific patterns of tightness-looseness across the 31 Chinese provinces // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2019. Vol. 116. № 14. P. 6522–6524.
19. *Hammack P.L.* Narrative and the cultural psychology of identity // *Personality and Social Psychology Review*. 2008. Vol. 12. № 3. P. 222–247.
20. *Hammack P.L.* Narrative and the politics of meaning // *Narrative Inquiry*. 2011. Vol. 21. № 2. P. 311–318.
21. *Heine S.J., Buchtel E.E.* Personality: The universal and the culturally specific // *Annual review of psychology*. 2009. Vol. 60. P. 369–394.
22. *Kitayama S. et al.* A cultural task analysis of implicit independence: comparing North America, Western Europe, and East Asia // *Journal of personality and social psychology*. 2009. Vol. 97. № 2. P. 236.
23. *Kroger J., Marcia J.E.* The identity statuses: Origins, meanings, and interpretations // *Handbook of identity theory and research*. New York: Springer, 2011. P. 31–53.
24. *Lamy M.G., Liu J.H., Ward C.* Integrating paradigms, methodological implications: Using history to embody Breakwell's (1993) theoretical links between Social Identity Theory and Social Representations Theory // *Papers on Social Representations*. 2011. Vol. 20. № 2. P. 15.1–15.7.
25. *Lind M. et al.* Inpatient adolescents with borderline personality disorder features: Identity diffusion and narrative incoherence // *Personality Disorders: Theory, Research, and Treatment*. 2019. Vol. 10. № 4. P. 389.
26. *Lin L., Dahl D.W., Argo J.J.* Refining the tightness and looseness framework with a consumer lens // *Journal of Consumer Psychology*. 2017. Vol. 27. № 3. P. 392–397.
27. *Marcia J.E.* The ego identity status approach to ego identity // *Ego identity*. New York: Springer, 1993. P. 3–21.
28. *McAdams D.P.* The “imago”: A key narrative component of identity // *Review of personality and social psychology*. Sage, 1985. P. 114–141.
29. *McAdams D.P.* “First we invented stories, then they changed us”: The Evolution of Narrative Identity // *Evolutionary Studies in Imaginative Culture*. 2019. Vol. 3. № 1. P. 1–18.
30. *McAdams D.P., Pals J.L.* A new Big Five: fundamental principles for an integrative science of personality // *American psychologist*. 2006. Vol. 61. № 3. P. 204.
31. *McAdams D.P., McLean K.C.* Narrative identity // *Current directions in psychological science*. 2013. Vol. 22. № 3. P. 233–238.
32. *McAdams D.P., Guo J.* Narrating the generative life // *Psychological Science*. 2015. Vol. 26. № 4. P. 475–483.
33. *MacDonald S., Uesiliana K., Hayne H.* Cross-cultural and gender differences in childhood amnesia // *Memory*. 2000. Vol. 8. № 6. P. 365–376.
34. *McEvoy-Levy S.* Stuck in circulation: children, ‘waithood’ and the conflict narratives of Israelis and Palestinians // *Children's Geographies*. 2014. Vol. 12. № 3. P. 312–326.
35. *McLean K.C.* Late adolescent identity development: narrative meaning making and memory telling // *Developmental psychology*. 2005. Vol. 41. № 4. P. 683.

36. Mitroiu S. Narrative identity and trauma: Sebald's memory landscape // *The European Legacy*. 2014. Vol. 19. № 7. P. 883–900.
37. Reese E. Culture, Narrative, and Imagination 14 // *The Oxford handbook of the development of imagination*. 2013. 196 p.
38. Reese E., Hayne H., MacDonald S. Looking back to the future: Māori and Pakeha mother–child birth stories // *Child development*. 2008. Vol. 79. № 1. P. 114–125.
39. Reese E., Neha T. Let's kōrero (talk): The practice and functions of reminiscing among mothers and children in Māori families // *Memory*. 2015. Vol. 23. № 1. P. 99–110.
40. Rewi P. Culture: Compromise or perish // *Indigenous identity and resistance: Researching the diversity of knowledge*. 2010. P. 55–74.
41. Ricoeur P. Narrative identity // *Philosophy today*. 1991. Vol. 35. № 1. P. 73–81.
42. Syed M., Nelson S.C. Guidelines for establishing reliability when coding narrative data // *Emerging Adulthood*. 2015. Vol. 3. № 6. P. 375–387.
43. Singer J.A., Salovey P. Remembered self: emotion and memory in personality. Simon and Schuster, 2010. 257 p.
44. Wang Q., Conway M.A. The stories we keep: Autobiographical memory in American and Chinese middle-aged adults // *Journal of personality*. 2004. Vol. 72. № 5. P. 911–938.
45. Wang Z. Never forget national humiliation: Historical memory in Chinese politics and foreign relations. Columbia University Press, 2014. 279 p.
46. Williams K.D. Ostracism: The kiss of social death // *Social and Personality Psychology Compass*. 2007. Vol. 1. № 1. P. 236–247.
47. Zhao Y., Karypis G., Fayyad U. Hierarchical clustering algorithms for document datasets // *Data mining and knowledge discovery*. 2005. Vol. 10. №. 2. P. 141–168.

References

1. Gao L., Pahmutova M.A. Kul'turnyye kharakteristiki Rossii i Kitaya s tochki zreniya Zapada i Vostoka [Cultural characteristics of Russia and China from the point of view of the West and the East]. *ANI: pedagogika i psikhologiya = ANI: pedagogy and psychology*, 2017, no. 1(18), pp. 45–48.
2. Kozlova M. Problemy i mekhanizmy razvitiya psikhosotsial'noy identichnosti v yunosheskom vozraste (na primere molodezhnykh grupp obskikh ugrov) [The problems and mechanisms of a development of psychosocial identity in adolescence (on the example of youth groups of the Ob Ugrians)]. Published by N.M. Lebedeva. *Identichnost' i tolerantnost'* [Identity and tolerance]. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN [Institute of Ethnology and Anthropology RAS], 2002, pp. 68–86.
3. Larina E. Kazakhi v Rossii [Kazakhs in Russia]. *Rodina = Homeland*, 2004, no. 2, pp. 98–101.
4. Miskova E.V. Travma stalinskikh repressiy v kontekste kollektivnykh travm genotsidov [Trauma of Stalinist repressions in the context of collective traumas of genocides]. *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'I = Family psychology and psychotherapy*, 2019. Vol. 4, pp. 31–49.
5. Rosenthal G. Rekonstruktsiya rasskazov o zhizni: printsipy otbora, kotorymi rukovodstvuyutsya rasskazchiki v biograficheskikh narrativnykh interv'yu [Reconstruction of stories about life: the principles of selection, which are guided by storytellers in biographical narrative interviews]. *Khrestomatiya po ustnoy istorii* [Reader on oral history], 2003, pp. 322–356.
6. Rozhdestvenskaya E., Semenova V. Sotsial'naya pamyat' kak ob"yekt sotsiologicheskogo izucheniya [Social memory as an object of sociological study]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya = Interaction. Interview. Interpretation*, 2011, no. 6, pp. 27–48.
7. Solovyova O. Grazhdane Rossii predpochitayut zhit' odnim dnem [Elektronnyi resurs] [Citizens of Russia prefer to live one day]. *Nezavisimaya gazeta = Independent newspaper*, 2019. URL: https://yandex.ru/turbo/ng.ru/s/economics/2019-08-21/4_7655_fom.html. (Accessed 30.09.2020).

8. Tatsenko K.V. Tendentsii ekonomicheskogo vzaimodeystviya Dal'nego Vostoka Rossii i Severo-Vostoka Kitaya [Trends in economic interaction between the Russian Far East and the Northeast of China]. *Dal'nauka*, 2006. 215 p.
9. Terekhova T.A., Malakhaeva S.K. Narrativnyy analiz kak ponimayushchiy metod [Narrative analysis as an understanding method]. *Gumanitarnyy vektor. Seriya: Pedagogika, psikhologiya = Humanitarian vector. Series: Pedagogy, Psychology*, 2015, no. 1(41), pp. 145–152.
10. Kharlamenkova N.Ye. Ego-identichnost' i yeye osobennosti u lits s raznym urovnem posttraumaticheskogo stressa [Ego-identity and its features in persons with different levels of post-traumatic stress]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kostroma State University*, 2019. Vol. 25, Issue 1, pp. 107–111.
11. Chernenko E. Rostrud: 27% rossiyan rabotayut po spetsial'nosti [Elektronnyi resurs] [Rostrud: 27% of Russians work in their specialty]. *Kommersant*, 2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3319368> (Accessed 18.03.2020).
12. Adler J.M. et al. Research methods for studying narrative identity: A primer. *Social Psychological and Personality Science*, 2017. Vol. 8, no. 5, pp. 519–527.
13. Adler J.M. et al. The nature of narrative coherence: An empirical approach. *Journal of Research in Personality*, 2018. Vol. 74, pp. 30–34.
14. Chua R.Y.J., Huang K.G., Jin M. Mapping cultural tightness and its links to innovation, urbanization, and happiness across 31 provinces in China. *Proc Natl AcadSci USA*, 2019. Vol. 116, pp. 6720–6725.
15. Cohler B.J. Personal narrative and life course. *Life span development and behavior*, 1982. Vol. 4, pp. 205–241.
16. Dhillon N.T., Jousef T. Generation in Waiting. The Unfulfilled Promise of Young People in the Middle East. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2009. 269 p.
17. Fleiss J.L. An introduction to applied probability, and assessing significance in a fourfold table. *Statistical methods for rates and proportions*, 1981. 321 p.
18. Gelfand M.J. Universal and culture-specific patterns of tightness-looseness across the 31 Chinese provinces. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2019. Vol. 116, no. 14, pp. 6522–6524.
19. Hammack P.L. Narrative and the cultural psychology of identity. *Personality and Social Psychology Review*, 2008. Vol. 12, no. 3, pp. 222–247.
20. Hammack P.L. Narrative and the politics of meaning. *Narrative Inquiry*, 2011. Vol. 21, no. 2, pp. 311–318.
21. Heine S.J., Buchtel E.E. Personality: The universal and the culturally specific. *Annual review of psychology*, 2009. Vol. 60, pp. 369–394.
22. Kitayama S. et al. A cultural task analysis of implicit independence: comparing North America, Western Europe, and East Asia. *Journal of personality and social psychology*, 2009. Vol. 97, no. 2, p. 236.
23. Kroger J., Marcia J.E. The identity statuses: Origins, meanings, and interpretations. *Handbook of identity theory and research.*, New York: Springer, 2011, pp. 31–53.
24. Lamy M.G., Liu J.H., Ward C. Integrating paradigms, methodological implications: Using history to embody Breakwell's (1993) theoretical links between Social Identity Theory and Social Representations Theory. *Papers on Social Representations*, 2011. Vol. 20, no. 2, pp. 15.1–15.7.
25. Lind M. et al. Inpatient adolescents with borderline personality disorder features: Identity diffusion and narrative incoherence. *Personality Disorders: Theory, Research, and Treatment*, 2019. Vol. 10, no. 4. 389 p.
26. Lin L., Dahl D.W., Argo J.J. Refining the tightness and looseness framework with a consumer lens. *Journal of Consumer Psychology*, 2017. Vol. 27, no. 3, pp. 392–397.
27. Marcia J.E. The ego identity status approach to ego identity. *Ego identity*. NY: Springer, 1993, pp. 3–21.

28. McAdams D.P. The “imago”: A key narrative component of identity. *Review of personality and social psychology*. Sage, 1985, pp. 114–141.
29. McAdams D.P. “First we invented stories, then they changed us”: The Evolution of Narrative Identity. *Evolutionary Studies in Imaginative Culture*, 2019. Vol. 3, no. 1, pp. 1–18.
30. McAdams D.P., Pals J.L. A new Big Five: fundamental principles for an integrative science of personality. *American psychologist*, 2006. Vol. 61, no. 3, pp. 204.
31. McAdams D.P., McLean K.C. Narrative identity. *Current directions in psychological science*, 2013. Vol. 22, no. 3, pp. 233–238.
32. McAdams D.P., Guo J. Narrating the generative life. *Psychological Science*, 2015. Vol. 26, no. 4, pp. 475–483.
33. MacDonald S., Uesiliana K., Hayne H. Cross-cultural and gender differences in childhood amnesia. *Memory*, 2000. Vol. 8, no. 6, pp. 365–376.
34. McEvoy-Levy S. Stuck in circulation: children, ‘waithood’ and the conflict narratives of Israelis and Palestinians. *Children’s Geographies*, 2014. Vol. 12, no. 3, pp. 312–326.
35. McLean K.C. Late adolescent identity development: narrative meaning making and memory telling. *Developmental psychology*, 2005. Vol. 41, no. 4, 683 p.
36. Mitroiu S. Narrative identity and trauma: Sebald’s memory landscape. *The European Legacy*, 2014. Vol. 19, no. 7, pp. 883–900.
37. Reese E. Culture, Narrative, and Imagination 14. *The Oxford handbook of the development of imagination*, 2013. 196 p.
38. Reese E., Hayne H., MacDonald S. Looking back to the future: Māori and Pakeha mother–child birth stories. *Child development*, 2008. Vol. 79, no. 1, pp. 114–125.
39. Reese E., Neha T. Let’s kōrero (talk): The practice and functions of reminiscing among mothers and children in Māori families. *Memory*, 2015. Vol. 23, no. 1, pp. 99–110.
40. Rewi P. Culture: Compromise or perish. *Indigenous identity and resistance: Researching the diversity of knowledge*, 2010, pp. 55–74.
41. Ricoeur P. Narrative identity. *Philosophy today*, 1991. Vol. 35, no. 1, pp. 73–81.
42. Syed M., Nelson S.C. Guidelines for establishing reliability when coding narrative data. *Emerging Adulthood*, 2015. Vol. 3, no. 6, pp. 375–387.
43. Singer J.A., Salovey P. Remembered self: emotion and memory in personality. *Simon and Schuster*, 2010. 257 p.
44. Wang Q., Conway M.A. The stories we keep: Autobiographical memory in American and Chinese middle-aged adults. *Journal of personality*, 2004. Vol. 72, no. 5, pp. 911–938.
45. Wang Z. Never forget national humiliation: Historical memory in Chinese politics and foreign relations. *Columbia University Press*, 2014. 279 p.
46. Williams K.D. Ostracism: The kiss of social death. *Social and Personality Psychology Compass*, 2007. Vol. 1, no. 1, pp. 236–247.
47. Zhao Y., Karypis G., Fayyad U. Hierarchical clustering algorithms for document datasets. *Data mining and knowledge discovery*. 2005. Vol. 10. no. 2, pp. 141–168.

Информация об авторах

Суворова Ирина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет» (ОАНО ВО МПСУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3804-2129>, e-mail: i.suvorova89@gmail.com

Глебов Виктор Васильевич, кандидат психологических наук, кандидат биологических наук, доцент кафедры экологии, ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева» (ФГБОУ ВО «РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева»)

зева») г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3390-161X>, e-mail: vg44@mail.ru

Ван Хуаян, студент экологического факультета, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (ФГАОУ ВО РУДН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6973-3523> e-mail: w397857500@gmail.com

Information about the authors

Irina Yu. Suvorova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Social Psychology, Moscow Psychological and Social University (OANO VO MPSU), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3804-2129>, e-mail: i.suvorova89@gmail.com

Viktor V. Glebov, PhD in Psychology, PhD in Biology, Associate Professor of the Department of Ecology, Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev (RSAU-Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3390-161X>, e-mail: vg44@mail.ru

Huayang Wang, student of the Faculty of Ecology, Peoples' Friendship University of Russia (FGAOU VO RUDN), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6973-3523>, e-mail: w397857500@gmail.com

Получена 12.04.2021

Received 12.04.2021

Принята в печать 08.10.2021

Accepted 08.10.2021